

Ши Жоу

**Традиции русской классической литературы в осмыслении
китайских прозаиков (Чехов и Лу Синь)**

Специальность 10.01.01 — Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2015

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,
доцент **Калугина Марина Львовна**

Официальные оппоненты:

Одесская Маргарита Моисеевна

доктор филологических наук,
профессор, Российский
государственный гуманитарный
университет, профессор
Международного научного центра
русского языка

Самородов Максим Андреевич

кандидат филологических наук,
ГАОУ гимназия №. 1306 г.Москва,
преподаватель.

Ведущая организация:

**Московский государственный
областной университет**

Защита состоится « 16 » марта 2016 г. в ч. на заседании диссертационного совета Д 501.001.26 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А. Б. Криницын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность данного исследования определяется широким интересом китайских ученых к изучению русской классической литературы и культуры. Интерес к этой теме зарождается еще в конце XIX в. и с тех пор не ослабевает. Существует ряд научных работ, посвящённых изучению жизни и творчества двух крупнейших фигур мировой литературы: А. П. Чехова и Лу Синя. Однако многие аспекты этой темы, в том числе вопрос о характере освоения чеховской прозы в творчестве китайского писателя до сих пор остаются изученными не в полной мере.

Степень разработанности темы. Поскольку предметом рассмотрения в данной работе являются традиции русской классической прозы в произведениях русского и китайского авторов, то основную библиографию можно разделить на четыре категории: 1) изучение Лу Синя в России; 2) изучение Лу Синя в Китае; 3) изучение А. П. Чехова в России; 4) сопоставительные работы исследователей из разных стран. Подобное разделение необходимо, поскольку в каждом случае есть смысл говорить о существовании различных научных школ и подходов к изучению традиций русской литературы и культуры в Китае.

В 50-е гг. XX в. началось изучение творчества Лу Синя в России. Среди первых исследователей следует назвать имена Н. Т. Федоренко¹, Л. Д. Позднеевой², В. Ф. Сорокина³. В 1960 г. вышла значительная работа В. В. Петрова⁴ о Лу Сине. В 70-е годы интерес к творчеству китайского автора в России выходит на новый уровень научного осмысления. Появляется знаковая

1 Федоренко Н.Т. Избранные произведения. Т. 2. М., 1987.

2 Позднеева Л. Д. Лу Синь: Жизнь и творчество. М., 1959.

3 Сорокин В. Ф. Формирование мировоззрения Лу Синя: Ранняя публицистика и сборник «Клич». М., 1958.

4 Петров В. В. Лу Синь. М., 1960.

статья А. Н. Желоховцева⁵, а И. К. Глаголева⁶ создаёт библиографический указатель по творчеству Лу Синя. В последние годы интерес к китайскому классическому в России не угасает: в сборнике «Проблемы литератур Дальнего Востока» (ПДВ) издаются работы целой секции о Лу Сине, в том числе статья Н. А. Лебедевой⁷.

Среди китайских исследователей, изучавших творчество Лу Синя, стоит особенно выделить Бао Чжун-вэнь⁸, Ван Жунь-хуа⁹, Фан Сян-дуна¹⁰. Одной из самых глубоких работ, на наш взгляд, является произведение Ли Чанчжи «Критик Лу Синь»¹¹. Автор этой книги использует метод психоанализа при изучении характера и идеологических позиций Лу Синя и затем через призму полученных данных анализирует творчество писателя.

Из основополагающих работ последних лет на китайском языке назовём исследования Чжу Чункэ¹² «Построение повествования в рассказах Лу Синя» и Янь Цзянь¹³ «Рассуждения о полифонии в рассказах Лу Синя». Эти книги являются основной научной базой при анализе произведений Лу Синя.

Литература о творчестве А. П. Чехова необъятна. Наиболее значимой для настоящего исследования стала монография А. П. Чудакова¹⁴, посвящённая описанию чеховской художественной системы, и монография В. Б. Катаева¹⁵, в которой рассматривается изображение Чеховым человека и мира вокруг него. Также были учтены исследования З. И. Герсон¹⁶, И. П. Видуэцкой¹⁷,

5 Желоховцев А. Н. Фальсификации продолжаются: По страницам публикаций китайской прессы о Лу Сине // ПДВ. 1973, № 2, С. 143-148.

6 Глаголева И. К. Лу Синь: Библиографический указатель. М., 1977.

7 Лебедева Н. А. Лу Синь и писатели Северо-Восточного Китая // ПДВ. 2006, № 5, С. 156—164.

8 Бао Чжун-вэнь. Общественно-политические и эстетические взгляды Лу Синя. Нанкин, 1989.

9 Ван Жунь-хуа. Новое исследование прозы Лу Синя. Шанхай, 1993.

10 Фан Сян-дун. К творческой биографии Лу Синя. Шанхай, 1996.

11 Ли Чанчжи Критик Лу Синь. Пекин, 2011.

12 Чжу Чункэ Построение повествования в рассказах Лу Синя. «Народ», Пекин, 2011.

13 Янь Цзянь Рассуждения о полифонии в рассказах Лу Синя. Изд-во пекинского университета, 2011.

14 Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., Наука, 1971.

15 Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., МГУ, 1979.

16 Герсон З.И. Композиция и стиль повествовательных произведений А. П. Чехова. //Творчество А. П. Чехова. М.: Учпедгиз, 1956.

А. В. Кубасова¹⁸, З. С. Паперного¹⁹, Г. А. Бялого²⁰, Е. Н. Петуховой²¹,
Э. А. Полоцкой²² и работы В. Б. Катаева²³ разных лет.

Несмотря на то, что вопросы литературной связи А. П. Чехова и Лу Синя поднимались в науке не раз, однако большинство исследователей говорят о них в общих чертах или рассматривают на уровне заимствования мотивов, сюжетов, характеров. Что касается природы этих связей, то им посвящено всего несколько работ, наиболее значимы среди них диссертация Ван Даня²⁴ о сходстве в манере повествования, изображении типа «маленького человека» и литературном новаторстве Чехова и Лу Синя, исторический обзор Е. А. Серебрякова²⁵ «Чехов в Китае» и статья Ли Лянь-шу²⁶ о влиянии Чехова на китайских авторов.

Научная новизна. Изучение творчества А. П. Чехова и Лу Синя не первое десятилетие остаётся одной из важнейших проблем сравнительного литературоведения. Но несмотря на наличие немалого количества работ о Чехове и Лу Сине в Китае и России, большинство из них написано на материале одних и тех же, наиболее известных китайскому читателю чеховских произведений: «Хамелеон», «Тоска», «Смерть чиновника», «Человек в футляре», «Толстый и тонкий», «Ванька» и др. Следует обратить внимание на недостаток

17 Видуэцкая И.П. Способы создания иллюзии реальности в прозе зрелого Чехова. //В творческой лаборатории Чехова. М.; Наука. 1974.

18 Кубасов А.В. Рассказы А.П. Чехова: поэтика жанра. Свердловск, 1990.

19 Паперный З. С. Записные книжки Чехова. – М.: Советский писатель, 1976.

20 Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л.: Советский писатель. 1990.

21 Петухова Е. Н. Притяжение Чехова: Чехов и русская литературы конца XX века. СПб, изд-во СПбГУЭФ, 2005.

22 Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. М., Наследие, 2000.

23 Катаев В. Б. Игра в осколки. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М., изд-во Моск. ун-та, 2002.

Катаев В. Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам.

М., МГУ, 1998. Катаев В.Б. Чехов и его литературное окружение. //Спутники Чехова. М.: Моск. ун-та, 1982. Катаев В. Б.

Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. М., Языки славянской культуры, 2004.

24 Ван Дань. Чехов и Лу Синь: историко-генетические и типологические аспекты (кандидатская диссертация). М., 1996.

25 Серебряков Е. А. Чехов в Китае (обзор). // Русская литература и фольклор. <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/ml3/ml3-0052.htm>.

26 Ли Лянь-шу. Влияние Чехова на китайских писателей // Русская литература и фольклор. <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/ml3/ml3-052-.htm>.

научной аналитики и на необходимость расширить круг художественных произведений, между которыми также существуют литературные пересечения. Именно поэтому весь анализируемый материал открывает новые возможности для сопоставления (до сих пор в науке были проведены параллели лишь между произведениями А. П. Чехова «Тоска» и «Моление о счастье» Лу Синя).

В данной работе представлены новые историко-литературные параллели, а также рассматривается генетическое и типологическое родство художественных произведений (обусловленное историческим контекстом) А.П. Чехова и Лу Синя, которое во многом возникает в рамках общего приятия китайской культурой гуманистических и художественных открытий, сделанных русскими писателями.

Методологической основой данной работы стали исследования В. Б. Катаева, А. П. Чудакова и Гэ Баоцюаня.

Использованы источниковедческий, исторический и сопоставительный **методы**, способствовавшие обнаружению и раскрытию близости художественных текстов, а также проявлению влияния культурно-исторического контекста на писателей.

Цель данного исследования заключается в контекстном рассмотрении общих тем и литературных типов, традиционных для русской классической литературы, на материале повестей и рассказов Чехова и Лу Синя.

Достижение этой цели требует решения следующих **задач**:

1. Сопоставительное изучение фактов биографии обоих писателей, оказавших существенное влияние на их творчество.
2. Сравнительный анализ произведений в рамках выбранных общих тем: общественной, медицинской, детской.
3. Рассмотрение традиционных типов героя-одиночки (героя-сумасшедшего), героя-врача и героя-ребёнка, отношения к ним других персонажей.
4. Проведение параллелей в изображении авторами традиционного для русской литературы типа «маленького человека» и раскрытии ими проблемы

деградации личности.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) А.П. Чехов был для Лу Синя тем русским писателем, который являлся воплощением лучших черт русской литературы и культуры, а его творчество стало проводником этих традиций в китайскую художественную и публицистическую прозу.
- 2) Помимо прямых заимствований сюжетов, мотивов и характеров в творчестве Лу Синя из прозы А. П. Чехова между двумя писателями существуют очевидные типологические связи, обусловленные историческим контекстом и жизненными обстоятельствами. Несчастья, перенесённые в детстве, выбор врачебной профессии, активная социальная позиция — все эти факты отражаются на творческой манере и художественном взгляде обоих писателей, порождая художественные сближения.
- 3) В прозаических произведениях А. П. Чехова и Лу Синя можно выделить несколько схожих типов литературного героя: врач (человек особого культурного уровня — именно это маркируется в текстах), герой-одиночка, сумасшедший (человек, противопоставивший себя обществу или переросший взгляды людей своего времени, за счёт чего оказавшийся изгоем, встретивший непонимание близких, воспринимаемый как больной); ребёнок (чистая натура, испытывающая на себе пагубное влияние окружающих, часто — «индикатор» чистого и нечистого в обществе).

Теоретическая значимость работы заключается во введении нового материала при рассмотрении творческих связей Чехова и Лу Синя, в контексте освоения китайской литературой традиции русской литературы и культуры.

Практическая значимость заключается в возможности использовать результаты данного исследования при подготовке к занятиям с китайскими студентами-русистами.

Подтверждение степени достоверности и апробация результатов данного исследования были осуществлены на XXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» — тема

доклада «Мотив сумасшествия в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя (на примере повестей «Палата № 6» и «Дневник сумасшедшего»); VIII Международной научно-практической конференции «Молодые исследователи Чехова» в «Доме-музее А.П. Чехова» — тема доклада «Образ врача в произведениях Чехова и Лу Синя».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и новизна данного исследования, рассмотрена история изучения вопросов, связанных с темой диссертации, охарактеризован круг научных проблем, определена методологическая основа, а также цели и задачи работы.

Первая глава «Тема медицины в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя» посвящена рассмотрению образов, связанных с медициной в творчестве обоих авторов; в ней проанализированы исторические факты их врачебной деятельности и оказавшие прямое влияние на художественный метод обоих писателей.

Образ врача в мировой литературе встречается в разные эпохи, и каждая эпоха привносит в него своё значение. Однако есть и круг общих представлений. Одно из них связано со взаимосвязью здоровья физического и духовного, необходимостью лечить не только тело, но и душу человека. Такие обязанности накладываются как на писателей, так и на врачей. В истории литературы хорошо известны писатели, бывшие по образованию практикующими врачами: Ф. Рабле, Ф. Шиллер, С. Моэм, А. К. Дойл, С. Лем. В русскую литературу вошли писатели-врачи В. И. Даль, А. П. Чехов, В. В. Вересаев, Ю. З. Крелин. М. А. Булгаков. В китайской литературе в качестве писателей-врачей известны Го Мо-жо и Лу Синь. Медицинские знания и врачебная деятельность неизбежно отражаются на мировоззрении и характере художественных размышлений писателей.

В первом параграфе «Роль медицины в жизни и творчестве А. П. Чехова» на материале писем и воспоминаний представлен обзор обозначенной проблемы. Как известно, для А. П. Чехова долгое время именно медицина была основной профессией, тогда как на литературном пути писатель испытывал много сомнений, колебаний и спадов. Благодаря трепетному отношению к медицинской науке и врачебной деятельности многие врачи, которых изображает А. П. Чехов в произведениях, симпатичны, умны и прозорливы, добры и не чужды альтруизма. Часто это увлечённые люди, проявляющие интерес к науке и пациентам не менее, чем сам автор. Также они бывают циничны из-за тяжёлого жизненного опыта, но зачастую интеллектуальны, ироничны и вызывают сочувствие у читателя. Другая сторона этой темы у Чехова — деградация героя-врача. Возможно, автор именно для создания контраста выбирает носителей этой благородной профессии, подвергая их тяжёлым испытаниям. Основное внимание в данном параграфе посвящено анализу произведений «Попрыгунья» и «Ионыч».

Во втором параграфе **«Медицина в жизни и творчестве Лу Синя»** рассмотрены факты биографии Лу Синя, оказавшие влияние на выбор врачебной карьеры и последующий отказ от неё, а также анализируется произведение на медицинскую тему с биографической составляющей «Болезнь отца». Для китайского автора выбор литературного пути был определён именно желанием обратиться к практике исцеления человеческих душ. А кроме того, медицина была для Лу Синя была скомпрометирована врачами-шарлатанами, окружавшими его. Тяжкие испытания, выпавшие на молодые годы автора, отчасти позволяют понять, почему манера повествования в его произведениях столь резка, а тон его повестей и рассказов столь мрачен. Скорбь о невозполнимой потере отца навсегда остается в душе Лу Синя, и с того самого времени его жизнь оказывается навсегда переплетена с медициной.

Третий параграф «Тема человеческой разобщённости в произведениях Чехова и Лу Синя («Братья», «Завтра», «Ионыч», «Снадобье») посвящён анализу литературных произведений, в которых нашли отражение образы

врачей. Тема разобщённости людей вводится как болезнь общества, которую диагностируют оба писателя.

Сюжет рассказа «Братья» построен на ситуации болезни одного из братьев, стремительного ухудшения его состояния и трудностей, с которыми сталкивается брат, ухаживающий за больным. Однако этот незамысловатый сюжет раскрывает позицию автора по основным вопросам. Во-первых, если человек заболел, в то время приходилось сталкиваться с проблемой поиска ответственного врача, имеющего глубокие познания в медицине и сосредоточенного на врачебной деятельности, и риск попасть в руки непрофессионала был очень велик. Во-вторых, любовь героя к брату на самом деле оказывается не так искренна и чиста, как представляется вначале. В нём самом словно бы поселяется страшная болезнь, заставляющая поступать бесчеловечно по отношению к близкому.

В повести «Завтра» представлена картина духовной нищеты людей. Главная героиня, жившая лишь ради сына, переживает смерть ребёнка от рук неумелого и корыстолюбивого врача. Лу Синь показывает, что не только непрофессионализм доктора, но и невежество матери больного мальчика становится причиной этой трагедии. Окружающие люди не проявляют сочувствия к горю соседки. За их помощью также скрывается корысть и неспособность думать о другом человеке. Живописный портрет этих равнодушных обывателей, изображаемых Лу Синем, безусловно, очень сходен с изображением чеховских героев.

В рассказе «Ионыч» А. П. Чехов показывает трагедию того, как герой из наивного, простодушного и увлечённого превращается в жадного обывателя, как он становится равнодушным человеком, который потерял жизненную цель. При описании деградации, изменений душевных качеств Ионыча, автор использует художественные детали, перекликающиеся с началом повести. Так, Чехов с наблюдательностью, педантичностью врача и учёного фиксирует этапы развития «болезни» своего героя. Несчастную героиню Шань Сы из рассказа «Завтра» окружающая среда тоже заставляет принять правила, по

которым живёт общество, как единственно возможные.

В рассказе «Снадобье» снова обнаруживается негативное отношение Лу Синя к китайской традиционной медицине и человеческим предрассудкам. Молодой человек болеет туберкулёзом лёгких, и для его спасения родители, доверившись совету невежественного человека, покупают у солдата хлеб, смоченный кровью погибшего революционера. В финале произведения две матери, скорбящие о смерти сыновей, встречаются на кладбище. Также в этом рассказе прочитывается авторская гражданская позиция: взгляд на то, какое лекарство действительно нужно обществу. Молодой революционер претерпевает трудности ради изменения условий жизни своего народа, но невежественные люди совершенно не понимают его, и более того, радуются его смерти. Налицо приём «перевёртывания», близкий также и Чехову: революционер погиб ради своего народа, который использует его кровь для «лечения».

В четвёртом параграфе «Образ сумасшедшего в творчестве Чехова и Лу Синя («Палата № 6» и «Дневник сумасшедшего»)» на примере выбранных произведений освещается традиционная для русской литературы тема сумасшествия, у истоков которой стоит Н. В. Гоголь, которую разрабатывали А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский и др. Однако «Палата № 6» и «Дневник сумасшедшего» не только отсылают к гоголевской традиции, но и обладают общими мотивами. Оба произведения занимают особое место в творчестве писателей, в них показана попытка протеста против несовершенных, жестоких законов общества; их объединяет образ главного героя – сумасшедшего, и в обоих случаях ставится вопрос о том, к кому в действительности стоит применять эпитет «сумасшедший»: к герою или окружающим его людям, духовно слепым и несправедливым.

«Дневник» написан от первого лица, это новая форма для китайской литературы того времени; поэтому, когда повесть была опубликована, она обратила на себя особое внимание литературоведов. Читатель наблюдает окружающую действительность с точки зрения человека, признанного

сумасшедшим. Многие его сумбурные фразы заключают символический смысл — например, раскрывают веру Лу Синя в будущее поколение. Примечательно, что в пятой главе повести сумасшедший упоминает книгу китайской традиционной медицины «Перечень целебных корней и трав», написанную Ли Ши-чженем. Её автор считался уважаемым человеком, типичным представителем консервативного общества, обличаемого Лу Синем, в то время как персонажи, обладающие передовыми идеями, мыслящие и ведущие себя по-новому, признаются сумасшедшими. В конце повести сумасшедший выздоравливает, и моральное торжество оказывается на стороне обывателей. Благодаря такому «перевернутому» пониманию человеческой «нормальности», смещению этих оценок, повесть оказывается близка произведениям А. П. Чехова «Чёрный монах» и «Палата № 6». В первом герой также подвергается губительному для своей личности лечению, а в последнем доктор, сумевший взглянуть на мир по-новому, оказывается в сумасшедшем доме. Герои А. П. Чехова и Лу Синя страдают манией преследования, произносят странные слова, понятные лишь в художественном, символическом контексте (являются выразителями авторской позиции), они ставят вопросы человеческой гуманности и жестокости, размышляют о будущем людей. Герои обеих повестей одиноки и в наименьшей степени по сравнению с окружающими подчинены практическим интересам, это герои мыслящие. Смерть чеховского доктора Рагина — столь же трагичный финал, как и выздоровление героя Лу Синя.

Итак, стоит отметить внимание обоих авторов к медицине, плотную «заселённость» героями-врачами их художественного мира. Однако если для А. П. Чехова врач чаще идеализируется, то для Лу Синя он становится объектом пародии и обличения.

Медицинские знания и навыки, безусловно, связаны с наблюдательностью, вниманием к деталям, которые свойственны художественному методу А. П. Чехова и Лу Синя. Врачебная практика расширяет кругозор писателей, их огромный опыт общения с людьми из разных социальных слоёв способствует созданию самых разных характеров. Гуманизм, которым

пронизаны произведения, также имеет отношение к медицинской профессии и желанию исцелять.

Следует думать, что существует связь между картиной мира, которую закладывает медицинский факультет, и отражением этой картины мира в сочинениях писателя-врача. Это особое «медицинское» видение проявляется на разных уровнях. К ним можно отнести и писательское трудолюбие (необычайную выносливость и техничность в профессии, свойственную врачам), и особую манеру художественного взгляда: внимание к деталям (художественная деталь или краткая меткая характеристика персонажа выступает как симптом), и прямой интерес к разного рода «врачебным» историям (врачи и пациенты как герои произведений, описания болезней и их признаков, формулировки диагнозов).

По-видимому, и само решение о получении медицинского образования бывает вызвано в человеке большим интересом к людям, готовностью детально вникать в их проблемы, как бы ни были они неприятны при ближайшем рассмотрении. И если для А. П. Чехова литературный труд был косвенным продолжением такого взгляда на мир, то Лу Синь вовсе отказывается от медицины в пользу литературы, ставя нравственное здоровье выше физического, выбирая труд на поприще духовного целительства. Но и в его произведениях врачебный инструментарий остаётся важнейшим способом понять мир и заглянуть в душу человека.

Вторая глава содержательно примыкает к первой, предметом рассмотрения в ней является то, что сформулировано в заголовке: **«Тема общества в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя»**. В ней рассматривается общественная жизнь писателей, их выступления в публицистике, журнальный опыт. Написание данной работы было бы невозможно без рассмотрения социальной темы, поскольку каждый писатель связан со своей эпохой, в его произведениях улавливается отклик на исторические события и общественные процессы. Переломный период в истории России в конце XIX – начала XX века созвучен китайской общественно-политической ситуации. Во время

Синьхайской революции общественный конфликт, выражавшийся в столкновениях между классами, критически обостряется. Несмотря на то, что многие выходцы из местной интеллигенции получили своё образование в США, Японии, где и впитали некоторые идеи, мысли и методы подхода к научному исследованию, всё же каждый из них впоследствии обратил взгляд на Россию.

В первом параграфе «Журнальная деятельность Лу Синя и Чехова» представлен аналитический обзор сотрудничества писателей с рядом изданий, что оказало важное влияние на их профессиональное становление. В России политические процессы имели значительное влияние на журналистику, и литераторам приходилось высказываться с большой степенью осторожности, тем более что юмористическая составляющая изданий (смешные рассказы, заметки, пародийные объявления и т. п.) не должна была вовсе касаться политики. Именно в таких условиях ограничения круга тем семейной проблематикой, общечеловеческими ценностями и зреет талант молодого А. П. Чехова. Он сотрудничает с такими изданиями, как «Стрекоза», «Будильник», «Осколки», «Свет и тени», «Петербургская газета», газета «Новое время». Многие из этих журналов и газет вынуждены были приспосабливаться к общественной ситуации того времени. На их страницах появлялись короткие юмористические произведения, посвящённые высмеиванию бытовых человеческих проблем и пороков. В форме занимательного случая, анекдота они рассказывали о супружеской неверности, отношениях между начальством и подчинёнными, пьянстве и обжорстве, глупости – причем многие из этих сюжетов были затёртыми, представляли собой некоторое «общее место» в массовой культуре. Необходимость укладываться в строго отведенное количество знаков оттачивает знаменитый стиль Чехова. Благодаря ему меняется и сам жанр короткого юмористического рассказа. Из смешного эпизода, рассказанного без какой-либо доли дидактизма или лиризма, на потребу толпы, рассказ превращается в полноценное литературное произведение, в котором прочитываются сложные общечеловеческие темы. Степень концентрации мысли, психологизма в чеховском рассказе столь велика,

что не уступает иным повестям или даже романам. Чехов рассматривает темы пустоты и бессодержательности жизни обывателя, проблемы чиновничества и взяточничества, вросшие в бюрократическую систему России того времени. И уже в ранних произведениях Чехова сквозит его неудовлетворённость политической ситуацией 1880-х гг.

Рассматривая первые шаги Лу Синя в литературе, можно заметить и сходство, и различие с русским автором. Первое опубликованное произведение Лу Синя, как и в случае с А. П. Чеховым, показывает его талант владения языком, а также сразу обнаруживает основополагающий художественный приём — сатирическую манеру повествования. Сатирическое мироощущение сопутствует обоим авторам на протяжении всего литературного пути: в позднем творчестве Ли Синя оно выразилось также в публицистических произведениях; сквозит оно и в поздних пьесах Чехова, хотя и претерпев некоторые изменения, закономерные в авторском развитии. Но уже в раннем творчестве Лу Синя мощный поток сатирической эмоциональности обращает на себя особое внимание. Также нужно отметить сразу сформировавшуюся манеру повествования. Однако, в отличие от сдержанности оценок и отсутствия прямых высказываний на политическую тему русского автора, Лу Синь с первой же повести заявляет о своей точке зрения, вынося в тексте личное суждение по поводу устройства общества и демонстрируя резкое критическое отношение к национальным порокам личности.

Наиболее судьбоносным для Лу Синя оказалось сотрудничество в журнале «Новая молодёжь». С апреля 1918 г. по август 1921 г. благодаря этому изданию вышло в свет более 50 произведений автора. В них ощущается влияние любимых русских писателей, традиций русской классической литературы: глубокие психологические описания характеров, переживаний и положений, как у Достоевского; осмысление общественной реальности, как у Чехова; тенистая, контрастная манера повествования, как у Л. Андреева.

Во втором параграфе «“Черный монах” и “Одинокий”» общественная тема рассматривается как предмет художественного интереса обоих авторов.

Раздел посвящён сравнительному анализу указанных произведений и литературному типу героя-одиночки, который нашёл выражение в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя. Проблема отчужденного ощущения человека в социуме, конфликт личности и общества занимает в произведениях обоих писателей центральное место. Иногда он развёртывается в плоскости мнимого или истинного безумия героя. Авторы показывают как глубину характера отдельного человека, так и панораму общества, близкую их времени в совокупности мнений и идей, но чуждую их внутреннему пониманию жизни.

В произведении «Чёрный монах» отчётливо звучит социальная тема, в стремлении Коврина к высокой цели, его служении народу и в противостоянии скептически настроенных Тани и Песоцкого. Их ощущение болезненности состояния героя позволяет читателю увидеть, как общество, абсолютное большинство людей, относится к тем индивидуальностям, у которых завышенные требования к себе и своим жизненным целям. Коврин — герой-одиночка, единственный источник, через который он обретает духовную силу, истреблён же близкими. У Лу Синя в повести «Одинокий» наблюдается похожая ситуация.

Главный герой повести — Лянь-шу, первый человек среди населения своей деревни, получивший образование и учившийся за границей. Полученное знание не позволяет ему принять невежество народа; он не следует традициям, которые существуют испокон веков; его мысли и представления не совпадают с правилами, принятыми в обществе; именно потому окружающие люди считают его странным. Возникает столкновение между личностью и социумом: односельчане видят в герое иностранца, и сам Лянь-шу чётко осознаёт свою чуждость другим людям. Герой очень одинок в душе, однако он полностью открывается рассказчику, с которым у него происходит несколько бесед об устройстве общества. Примечательно, что у обоих собеседников живут в душе две сущности: один внутренний человек анализирует и размышляет, второй отрицает и возражает — так автор показывает сложный и противоречивый психологический процесс мышления. Как и в произведении Чехова «Чёрный

монах», осмысление героем своего внутреннего диалога задаёт повести философское направление.

И Чехов, и Лу Синь используют особый приём для раскрытия психологического состояния главного героя: в повести «Одинокий» эту функцию выполняет рассказчик, в «Чёрном монахе» – призрак; оба они приближены к герою, оба родственны ему. У Коврина и Лянь-шу есть великая мечта, однако то, чего они желают добиться, трудно достичь в отсталом обществе и за короткое время, потому что окружающие люди не способны принять в свой круг общения столь непохожих на них личностей. Коврин и Лянь-шу презируют безыдейное существование, они не представляют жизнь без высокой цели. В финале обоих произведений у героев появляются симптомы кровохарканья — возможно, эта связь также неслучайна.

В третьем параграфе «“Дама с собачкой” и “Скорбь по ушедшей”» сопоставляются произведения, посвящённые теме запретной любви.

Трагизм рассказа «Дама с собачкой» заключен во внутренней расколотости человека, в необходимости для него жить двойной жизнью. В конце концов герою начинает казаться, что двойственны и неискренни все люди, а не он один. Общество, заключающее человека в строгие рамки, подменяющее нормы высокой морали правилами пустого внешнего приличия, изобличается Чеховым. Автора интересует проблема отвратительных условных правил, искажающих суть людей, заставляющих вести себя лицемерно или же становиться частью этой системы, влачить жалкое существование, бездарно проводя жизнь за пошлыми развлечениями. Особенно не выделяя своего героя среди окружающих обывателей, не доводя его характер до какого-либо полюса добра или зла, Чехов рассказывает о человеке, которому среди его однообразной и невыразительной жизни открылось огромное счастье. И это счастье, перевернувшее в его душе всю систему ценностей, открывшее путь к новому пониманию жизни, заставляет его впервые страдать по-настоящему. Человек из толпы становится индивидуальностью. Пошлый сюжет об адюльтере, имеющий многовековую историю в мировой литературе, становится откровением,

лирической историей о пробуждении человеческих чувств и их бессилии в потоке жизненной суеты. Невозможность движения назад или вперёд придаёт ситуации ноты трагизма, неразрешимости. Герои любят друг друга как очень близкие люди — история, наконец, должна войти в фазу идиллии, знакомой по романам Тургенева и более ранних классиков. Однако для Чехова любовь становится лишь выражением неизбывного горя, оплакивания безысходности человеческой жизни в условиях, в которые люди сами себя загнали. Это горе пропитывает каждую строку рассказа.

Считается, что в рассказе «Дама с собачкой» запечатлены автобиографические эпизоды из жизни А. П. Чехова. Повесть Лу Синя «Скорбь по ушедшей» также содержит впечатления о несчастливом опыте автора: его собственный брак, заключенный по расчёту, по требованию родителей, не оставляет места истинному чувству.

В центре повествования у Лу Синя влюблённая пара, идущая наперекор мнению социума и испытывающая на себе всю тяжесть общественного презрения. Как и в рассказе «Дама с собачкой», огромное чувство заставляет молодых людей без оглядки броситься в объятия друг друга, они преодолевают смущение и испуг, хотя любовная горячка, которой невозможно сопротивляться, приводит героев к предосудительному для того времени поведению. В конце концов молодой человек теряет работу, насмешки соседей и предательство друзей становятся нестерпимы, а романтика вовсе уходит из жизни героев. Оказывается, что девушка не способна вести ту жизнь, на которую обрекли себя молодые люди, она обезличена ведением домашнего хозяйства и отсутствием личных интересов. Критическое отношение Лу Синя к законам патриархального общества обнажается в этой повести.

Четвёртый параграф «“Подлинная история А-Кью” и “Скучная история”» содержит попытку сравнительного аналитического осмысления историй двух весьма различных героев: деградирующего интеллигента и «маленького человека», однако произведения имеют и сходные черты. В обоих случаях перед нами с помощью характерного повествователя разворачивается

история человеческой жизни, осмысляемой авторами с горькой иронией. Сосуществование высокого и низкого в обществе и отдельной человеческой душе в одинаковой степени интересует Чехова и Лу Синя.

История А-Кью начинается с введения, в котором объясняется, что А-Кью в прямом смысле слова человек без имени. Фамилия его также неизвестна, «А-Кью» – это неточное произношение. В то же время, герой «Скучной истории» Николай Степанович обвиняет окружающих в том, что они видят в нем «ярлык», а не личность. Опираясь на гоголевскую традицию, Чехов вводит мотив имени, которое ведёт существование отдельно от человека. Николай Степанович представляет, как его имя гуляет по Харькову или выбито на могильной плите.

Герой Лу Синя А-Кью — «маленький человек», он часто попадает в неприятные ситуации, однако, в отличие от других персонажей, не может чувствовать себя оскорблённым. Он не видит реальности, ему нравится обманываться и утешать себя, он всегда остаётся высокого мнения о себе, вследствие чего живёт в мире, который сам себе создал. Писатель тонко оттачивает это свойство характера А-Кью, пронося его сквозь сюжет повести, усугубляя от события к событию. Одна из важнейших категорий мировоззрения этого героя — «духовная победа»: А-Кью может испытывать позор и помнить об этом, но внутренне он ощущает удовлетворение от происходящего. Как и в произведении А. П. Чехова, особую роль здесь играет изображение второстепенных персонажей повести. Иронически представлено то, как необразованный народ (на примере А-Кью и его односельчан) воспринимает революцию. Они мыслят примитивными категориями, не понимают задач революционеров и не могут иметь самостоятельных мнений о пользе или вреде происходящего. Ярчайшей деталью, свидетельствующей об этом, является эпизод с рассказом А-Кью об отрубании головы, виденном им в городе. В глазах героя и окружающих его людей казнь представляется чем-то любопытным и даже эффектным, в традициях средневекового сознания.

В «Скучной истории» в центре читательского внимания также оказывается не только лишь трагедия отдельной личности, но целый узел социально-

философских противоречий. Простота, которую любит герой в кухне, в манере поведения прислуги, противостоит вычурности и условности жизни, положенной ему по статусу, существующей на показ. Запечатлен страх героя перед новым, чужим для него миром, в который удобно встроились его близкие люди, но в котором нет места для него, с его идеализмом, непримиримостью и обращенностью к прошлому.

Противопоставленные в русской культуре образы Гамлета (человека раздумывающего, но не совершающего) и Дон Кихота (человека идеалистических и необдуманных поступков) соединяются в характере Николая Степановича. Благородная неспособность быть взвешенно резким для профессора граничит с безынициативностью, и это губит его. Угасающий блеск интеллигенции, уход из жизни таких людей и приход им на смену людей деятельных, «новых», пронизан в любом повествовании Чехова сердечной болью, поэтической ностальгией, хотя сами герои-интеллигенты могут изображаться иронически.

Тип повествования Лу Синя близок к традиции Чехова, у обоих писателей взгляд направлен в глубины человеческой психологии, но путь к пониманию поступков героев лежит через отдельные подробности. Оба автора предлагают читателю историю – повесть о частной жизни и нравах своего времени. Взгляд на печальную человеческую судьбу через призму иронии, историзм и глубокий психологизм, проявляющийся во внимании к мелочам, общий круг очерченных проблем — всё это объединяет авторов. Ощущение потерянности, пустоты среди толпы свойственно героям Чехова и Лу Синя – вероятно, это мироощущение было близко и самим писателям, перенёсшим свои тяжёлые думы и разочарования в изображаемое художественное пространство.

В третьей главе «Тема детей и детства в творчестве Чехова и Лу Синя» рассматривается традиция изображения детей в произведениях русского и китайского авторов. В их творчестве отразились и взгляды на воспитание и детскую литературу, и личные впечатления нелёгкого детства, и общие наблюдения за поступками и психологией детей. Однако оба писателя

унаследовали из классической литературы понимание ребёнка как чистого существа, пусть и не идеального, но способного быть «индикатором» общественной нечистоты.

В центре внимания А. П. Чехова прежде всего оказывается детское впечатление от окружающего мира. В голове ребёнка, в его живом воображении реальность, которая ещё не совсем понятна, преобразуется и становится фантастичной. Каждый раз читателю предоставляется возможность взглянуть на события «снизу», глазами маленького героя, хотя дети почти нигде не являются прямыми повествователями, их точка зрения оказывается опорной. Именно благодаря возможности такого взгляда происходит переоценка ситуаций: честное слово оказывается дороже уязвлённого самолюбия, а убийца оказывается жертвой человеческой несправедливости.

Лу Синь в течение всей жизни обращает особое внимание на обстановку, в которой вырастают дети, и горячо заботится прежде всего о душевном здоровье ребёнка. Писатель не раз выносит на обсуждение детский вопрос — как в художественной прозе, так и в публицистике. В литературных произведениях Лу Синь указывает на недостатки воспитания детей и заставляет читателя серьёзно взглянуть на проблемы взаимоотношения детей и взрослых.

Весьма характерно преломление биографических черт в творчестве обоих писателей: в их детских образах может отражаться собственная радость и печаль. Кроме того, авторов волнуют проблемы воспитания детей — на страницах их произведений есть примеры трагически неверного и даже жестокого обращения с ребёнком. Дидактическая сторона художественной литературы, не чуждая задачам обоих писателей, проявляется в этих картинах вполне, но ненавязчиво и тонко. Сами же детские образы в их произведениях, исходя из основной цели и направления повествования, можно условно разделить на две категории, которым посвящены последующие параграфы.

В первом параграфе «Натура детей в произведении Чехова и Лу Синя» представлен анализ произведений, в которых описывается судьба относительно «счастливых» детей. В центре внимания авторов не столько сюжет, сколько

само ощущение детства.

Большинство произведений Лу Синя о детях пронизано светлым настроением, ностальгией; они в наибольшей степени свободны от сатиры и прямых обличений. Огромную роль в этих рассказах играет изображение пейзажа, на фоне которого разворачивается скупое действие. Мирозерцание — одна из важнейших категорий этих текстов, как и в чеховской повести «Степь».

Лу Синь показывает богатый мир детства, который совершенно отличается от мира взрослых. Дети проявляют любопытство по отношению к малозначительным с точки зрения взрослых вещам, даже самые привычные объекты, мельчайшие детали вызывают у них интерес. Они любят и понимают природу, проводят время в играх на свежем воздухе, открывают для себя животных, насекомых и прочие богатства жизни. Природа помогает детям развивать доброту и искренность характера, активную жизненную позицию и умение с пониманием относиться ко всему в мире, к вещам и людям.

Для А. П. Чехова мировосприятие ребёнка тоже полно волшебства, но не всегда приукрашено, в иных описаниях он менее идилличен, чем Лу Синь. Мир детей также существует в творчестве русского классика на контрасте с миром взрослых, а их столкновение даже драматично. Однако большинство рассказов Чехова о детях не лишено юмористической ноты.

Китайский автор с помощью детских образов рассказывает о чистоте человеческой души. В его произведениях ребёнок обладает чётким, неразмытым пониманием любви и ненависти, а также обострённым чувством справедливости («Кролики и кошка»). Сильные стороны детской натуры, проявляемые в сочувствии ко всему живому, запечатлены и А. П. Чеховым. Так, в рассказе «Детвора» в центре авторского внимания оказываются особенности детского поведения, невозможного или маловероятного в сходных ситуациях для взрослых: в детской компании обесцениваются деньги и стирается граница между сословиями.

Второй параграф «Несчастливое детство» посвящён осмыслению

социальной проблематики в сюжетах о несчастьях, происходящих с детьми.

Рассказ «Спать хочется» напоминает врачебное наблюдение, эксперимент. Произведение это не о детях и не о детстве, однако показательно, что именно образ девочки-подростка выбран в качестве основного — для того, чтобы роль убийцы была переосмыслена. Принадлежность героини к миру детства трагически освещает описываемое, ещё больше подчёркивает контраст между существующим порядком вещей и общечеловеческими представлениями о жизни обычных детей в её возрасте.

Как это всегда бывает у Чехова, драматическое идёт об руку с комическим, и потому печальная история Ваньки («Ванька») не лишена анекдотичности: комический эффект создаётся при помощи слов самого мальчика. В рассказе «Архиерей» осиротевшая девочка Катя восьми лет в сопровождении бабушки приезжает к богатому, как она считает, родственнику просить денег. И несмотря на то, что читатель успевает увидеть её в горе, в слезах, именно с помощью её отдельных реплик и поступков создаются комические моменты: регулярно разбиваемая посуда, по-детски непосредственное замечание о «зелёной» бороде отца Сисоя и др. В рассказе «Житейская мелочь» мальчик тоже поначалу выглядит комично. Но если в повести «Степь» показано, как ребёнок взрослеет, познавая мир во всём его блеске и всей многоплановости (несмотря на то, что этот мир не всегда приветливо настроен к нему), то в рассказе «Житейская мелочь» первая ступень на пути ко взрослению восьмилетнего Алёши преодолевается резко и тяжело, через осознание грубости и несправедливости мира взрослых. В произведениях Лу Синя подобные столкновения могут иметь и более страшные последствия.

В повести «Одинокий» обедневший Лянь-шу отдаёт часть еды детям хозяина дома, но, к удивлению героя, дети вместо благодарности избегают Лянь-шу и отказываются от его угощения. Несмотря на невинный возраст, они сторонятся отверженного обществом несчастного человека. Автор показывает, что с ранних лет дети всё повторяют за взрослыми и усваивают закон дружбы лишь с благополучными и знатными людьми.

В рассказе «Кун И-цзи» двенадцатилетний мальчик поступает на службу в винную лавку. В этом уменьшенном мире мальчик учится судить о человеке в соответствии с его общественным положением, социальным классом. По законам лавки люди в длинных халатах имеют право спокойно сидеть и есть, в то время как те, кто носит плохую одежду, могут только стоя пить вино. Постепенно у мальчика появляются собственные суждения и оценки на этот счёт — например, он ненавидит посетителей, которые, как он сам определяет, относятся к низшему классу. Когда герой Кун И-цзи пытается общаться с мальчиком и хочет научить его писать, у ребёнка в душе появляется отвращение.

Итак, дети в изображении Лу Синя могут быть порочны в несчастливой ситуации, но и маленькие герои А. П. Чехова не выглядят лишь невинными жертвами. А. П. Чехов не склонен совершенно идеализировать детей, в его произведениях дети могут быть проказливы и неловки, жадны на похвалу и на подарки. Очень красноречив в этом отношении рассказ «Злой мальчик». В нём ирония автора касается и мальчика, который ищет в сложившемся положении всё новых выгод для себя, и молодых влюбленных, попавших по молодости и слабости характера в неприятную ситуацию (их шантажирует младший брат девушки), и самой ситуации, когда жажда мести и процесс отмщения становится важнее любовного чувства.

Ещё одной проблемой, интересующей и Чехова, и Лу Синя, является взросление ребёнка. Изображаются воспоминания о детстве взрослого человека, не сопоставимые с реальностью, непременно печальной и усложнённой «взрослыми» общественными законами и моральными категориями. Проникновенный рассказ Лу Синя на эту тему «Родное село» напоминает несколько очень разных произведений А. П. Чехова. Встреча двух выросших друзей, оказавшихся на разных ступенях социальной лестницы, отсылает к рассказу «Толстый и тонкий», в котором лишь пунктиром намечена тема контраста между мировосприятием ребёнка и взрослого. Однако Чехов, как и Лу Синь, изображает губительность подобной социальной морали для человеческой личности. Ностальгия по ушедшему миру детства, выраженная в

рассказе китайского автора, перекликается и с «Вишнёвым садом», и с рассказом «Архиерей». В последнем используется тот же прием ретроспекции: повзрослевший герой много лет спустя видит родного человека, мать, и это событие вызывает у него прилив детских воспоминаний — поток незначительных деталей, смешных эпизодов, милых и трогательных событий. Как и у героя Лу Синя, детство героя Чехова освещено радостью осознания бытия, радостью первых открытий в себе и окружающем. Именно эта радость позволяет ощущать прошлое на контрасте с настоящим как невосполнимо утраченное счастье. Как и в рассказе «Родное село», герой сталкивается с переменой отношения к себе людей из прошлого, и это смущает и огорчает его. Мать из близкого, самого родного человека превращается в почтительную и глуповатую просительницу, склоняющую голову перед архиереем. Из-за этого почтения она не может поговорить по душам с сыном, который так ждёт этого, и лишь в момент смертельной болезни, совсем ненадолго, мать становится для него прежней — заботливой, внимательной и родной.

Классическая традиция понимания ребёнка как особого существа, очень чистого, естественного и невинного, разрабатывается А. П. Чеховым и, отражаясь в его творчестве, приходит в произведения Лу Синя. Оба автора говорят о серьёзных проблемах общества, проводя их через призму понимания детей (приём остранения, известный также по произведениям Л. Н. Толстого). Именно поэтому между мирами детей и взрослых в творчестве авторов проходит бездна, поэтому столкновение миров приводит к разочарованию героев и личностной деградации. Лу Синю не чужда тема губительных изменений, которые происходят с ребёнком в нездоровом взрослом обществе под влиянием жестоких социальных законов. Чехов раскрывает эту тему более традиционно: даже ужасные условия не меняют в ребёнке самого главного, его чистой души. Русского автора больше интересует момент испытания героя, детской реакции на несправедливость взрослого мира. Однако оба писателя используют детские образы для игры на контрастах в духе Ф. М. Достоевского: сталкивают невинное и порочное, грязное и чистое, наивность и корысть, за

счёт чего усиливается психологическое напряжение и обостряется проблематика.

В **Заключении** представлены основные выводы данной работы и намечены перспективы для будущих исследований.

Между русской и китайской литературой с конца XIX в. существуют глубокие культурные связи. Однако влияние русских произведений на поколение китайских писателей не сводится лишь к прямым заимствованиям персонажей, жанров или сюжетов – также происходит и наследование самой культуры мышления, возникающей благодаря духовной близости авторов и сходству исторических процессов. Учитывая огромное влияние русской литературы, следует смотреть на историю международных взаимосвязей с пониманием того, что китайские авторы вносят особенности национального характера, языка и культуры в унаследованные сюжеты и идеи, развивая, дополняя и совершенствуя их. Благодаря такому синтезу создаются уникальные произведения, вошедшие в золотой фонд мировой литературы.

Русские классические традиции, наследуемые Чеховым, благодаря литературному диалогу авторов получают продолжение и в творчестве Лу Синя. В первую очередь это касается литературных типов, способов изображения характеров, проблематики, жанровых форм.

Путём сопоставления биографий А. П. Чехова и Лу Синя нами были выявлены сходные эпизоды, оказавшие существенное влияние на творчество авторов. Благодаря этому можно говорить о типологической близости писателей. В полной мере это касается трёх рассмотренных в отдельных главах тем: детство, медицина и общество.

Неоспоримо, что профессия врача, выбранная обоими писателями, позволяет Чехову и Лу Синю развить их природную наблюдательность и сформировать особый тип мышления, что находит прямое выражение в литературе — от интереса к образам самих врачей и до способа создания характеров и ситуаций, авторского видения мира. Чехов выбирает профессию врача как основную и находит пользу в служении народу с помощью

медицинских знаний. Лу Синь с детства мечтает работать военным врачом, но впоследствии медицина становится для него символическим оружием, с помощью которого писатель описывает пороки общества и человеческой личности.

Социальная тема находит отражение в заботе писателей о будущем своих соотечественников, высоких мечтах о спасении людей. В то же время это связано с авторской задачей изображения реальности как таковой (установка на беспристрастное отражение в бытовых зарисовках и хорошего, и плохого). Тип героя-сумасшедшего, который вызывал интерес у обоих писателей, развивается в их произведениях. Лейтмотивом в рамках этой темы для Чехова и Лу Синя оказывается образ героя, противопоставленного обществу.

К этому же тематическому спектру относится и проблема «маленького человека», о которой исследователи писали и раньше. Безусловно, это общая тема творчества Чехова и Лу Синя, наследуемая из русской классической прозы. Через разработку типа «маленького человека» авторы доносят проблемы частной жизни отдельных людей. Как образы одиноких, сумасшедших, людей с противоречивым характером, так и образы незаметных, невыдающихся личностей позволяют писателям отразить многослойность общественной жизни своего времени, рассмотреть сильные и слабые стороны человеческой личности.

Детская тема, вобравшая в себя и взгляды писателей на воспитание и детскую литературу, и личные впечатления о собственной юности, также имеет много перекличек, обусловленных как типологическим, так и генетическим сходством. Писатели создают галерею детских образов, в которых изначальная чистота души служит мерилom общественной порочности.

После 80-х годов прошлого века влияние русской литературы и культуры на Китай ослабляется по сравнению с эпохой горячей дружбы между Китаем и Россией (начала и середины XX века). Конечно, причин этому немало. Однако в обеих странах даже по прошествии почти ста лет новые поколения читают и изучают творчество Чехова и Лу Синя. Проблемы, поставленные этими авторами, актуальны до сих пор, пороки всё ещё живы, а характеры узнаваемы.

И хотя быт и нравы современников запечатлены обоими писателями настолько хорошо, что по ним можно воссоздавать прошлое, но то общечеловеческое и вневременное, что они оставили после себя читателям будущего, позволило сохранить их имена в истории литературы. Поэтому хочется надеяться, что творчество А. П. Чехова и Лу Синя остаётся актуальным и в наше время.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

- 1. Мотив сумасшествия в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя (на примере повестей «Палата № 6» и «Дневник сумасшедшего») // Вестник ЦМО МГУ. 2015, № 3. С. 108-112.**
- 2. Тема медицины в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя // Вестник МГОУ. Филологические науки М., 2015, № 4.
<http://vestnik-mgou.ru/Authors/View/10469>**
- 3. Конфликт личности и общества в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя (на материале произведений «Чёрный монах» и «Одинокий»). // Научное обозрение СПб., 2015, № 4. С. 157-161.**